

И.К. Кондратьев

Великий разгром

Драма на Лубянке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.К. Кондратьев**
Великий разгром: Драма на Лубянке / И.К. Кондратьев – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 323 с.

ISBN 978-5-458-12100-2

Исторический роман из эпохи кровавых драм и великих смятений.

ISBN 978-5-458-12100-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Варя снова покачала головой.

— Нехорошаго человѣка встрѣнула...

— Нехорошаго! удивилась купчиха, — вона что! вона какіе люди на свѣтѣ бываютъ, Господи прости согрѣшенія!

— Бываютъ... неопредѣленно прошептала Варя.

— Такъ вотъ-же тебѣ, нѣ, ѣшь на здоровье, — проговорила купчиха, и сунула въ руки Варюшкѣ большой кусокъ пирога и нѣсколько мѣдныхъ грошей.

Варя спокойно взяла подачку, и перекрестилась.

— Спаси тебя Богъ отъ огня.

— Охъ, спаси! вздохнула купчиха, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Варя пошла далѣе. Купчиха долго провожала ее глазами, крестилась, и шептала:

— Господи, спаси меня отъ огня! Господи, спаси меня отъ огня!

На углу Николоямской улицы, Варя остановилась. Вдругъ раздались звонкіе крики: «Варя идетъ! Варя идетъ!» И къ ней подбѣжала толпа ребятишекъ, которые, цѣпляясь своими дѣтскими рученками за ея отренья, потащили ее къ сосѣднему крыльцу.

Варя, ласково улыбаясь, покорно шла за своими вожатыми, не перестававшими кричать:

— Варя идетъ, ребятки! Поглядите-ка, вотъ она, Варя-то!

На крыльцѣ ребятишки усадили Варю, и сами усѣлись вокругъ нея, кто гдѣ могъ. Одинъ бѣлоголовый, голубоглазый карапузикъ усѣлся на ея колѣни. Другой помѣстился сзади, выглядывая своимъ чумазымъ личикомъ изъ-за ея плеча, третій сбоку, четвертый — гдѣ попало. Словомъ, каждый помѣстился тамъ, гдѣ было удобнѣе. Не переставая улыбаться, Варя все смотрѣла на нихъ, какъ онѣ усаживались, и видимо радовалась. По всему замѣтно было, что она знала каждаго изъ нихъ. И къ этимъ усаживаньямъ давно уже привыкла.

— Ну, что же?—тихо заговорила она, когда ребятишки усѣлись,—пирожка хотите?

— На што пирожокъ? ненaдoбно пирожокъ! зартавилъ бѣлоголовый карапузикъ, усѣвшійся на колѣняхъ.

— А чего же? грошиковъ?

— И грошиковъ ненaдoбно.

— Чего же?

Варя, тетенька, Варя, ты Расскажи намъ сказочку, какъ маленькій мальчикъ по грибки ходилъ,—вдругъ почти въ одинъ голосъ загалдѣли всѣ ребятишки.

— И-и! закачала головой Варя... по грибки ходилъ... А лѣсъ-то темный, а лѣсъ-то дремучій... у-у, какой дремучій!...

Варя нахмурила брови, какъ бы желая этимъ показать, какой именно былъ дремучій лѣсъ. Дѣти наострили уши и впились глазами въ разказчицу.

А разказчица продолжала:

— А лѣсъ-то темный, а лѣсъ-то дремучій!... у-у, какой дремучій!... Идетъ мальчикъ, да оглядывается... А на дорогѣ-то коренья, сучья, ягоды... и тихо-тихо въ лѣсу, вотъ, слово бы въ церкви передъ херувимской.. Идетъ мальчикъ, да оглядывается... А кукушка все кукуетъ, да кукуетъ: ку-ку! ку-ку!.. Вотъ идетъ мальчикъ... идетъ-идетъ... а на дорогѣ грибъ-боровикъ, да такой большущій грибъ-боровикъ, вотъ, словно бы шишка на Яузскомъ мосту... И полюбился маленькому мальчику такой большущій грибъ-боровикъ, и побѣжалъ маленькій мальчикъ къ большущему грибу-боровику... хватъ боровикъ, а боровикъ ни смѣста... мальчикъ къ боровику и тагъ-то, мальчикъ къ боровику и этагъ-то, а боровикъ себѣ стоитъ, да стоитъ, словно бы и не его дѣло касается... здоровеннѣйшій былъ грибъ-боровикъ!... А мальчикъ-то былъ, хотя и маленькій, дамышленый...

— Тетенька, а теперя такихъ боровиковъ нѣтути? вдругъ полюбопытствовалъ бѣлоголовый мальченка.

— Нѣтути, голубчикъ, нѣтути, отвѣчала Варя, всё такіе боровики вышли.

— Ишь, удивился мальченка, вышли!

А Варя, понизивъ голосъ, продолжала.

— Вотъ, слушайте: маленькій мальчикъ и думаетъ, пойду-ко, думаетъ, я въ деревню, возьму-ко я ножикъ да сръжужу-ко я боровикъ, вотъ боровика-то и не будетъ...

Варя почему-то остановилась. Дѣти съ нетерпѣніемъ ждали окончанія давно извѣстной имъ сказки. Но въ это время гулко прокатился въ воздухѣ, на колокольнѣ церкви Симеона Столпника, протяжный звонъ. Одинъ ударъ, два, три — и вся окрестность огласилась непрерываемымъ гуломъ нѣсколькихъ колоколовъ, то густыхъ и басовитыхъ, то рѣдкихъ и тоненькихъ.

Дѣтямъ не удалось дослушать скажу. Заслышавъ звонъ, Варя вдругъ подняла голову, и начала къ нему прислушиваться, какъ будто она услышала что либо необычайное, неестественное.

— Набать! набать! вскочивъ, вскрикнула она и, схватившись обѣими руками за голову, побѣжала по Николаямской улицѣ.

Испуганные дѣти, съ крикомъ, разбѣжались, не забывъ однако, подобрать, винутые Варей, пирогъ и купеческіе гроши.

Быстро добѣжала Варя до церковныхъ воротъ Симеона Столпника, и остановилась въ недоумѣніи. Нѣсколько минутъ смотрѣла она вокругъ безпокойными глазами, потомъ, проговоривъ кротко «пожара нѣтъ... не горить», тихо опустилась на каменные ступени воротъ.

Она сидѣла долго. Звонъ, между тѣмъ, затихъ, хотя, ка-

залось, воздухъ и гудѣлъ еще отъ послѣдняго усиленнаго удара въ одинъ большой колоколъ. Въ это же время изъ церкви, изъ главнаго входа, спускаясь по каменнымъ ступенямъ, служащимъ подъемомъ на площадку, вышло нѣскольکو человекъ, видимо, принадлежащихъ къ купеческимъ семействамъ.

Они шли прямо къ тѣмъ воротамъ, гдѣ сидѣла Варя. Впереди шла кормилица, въ кокошникѣ, въ нарядномъ сарафанѣ, и несла на рукахъ малютку, только-что окрещеннаго. За нею— крестный отецъ и крестная мать малютки. За ними— родные и знакомые, въ длинныхъ купеческихъ сюртукахъ, въ шляпахъ, и съ палками въ рукахъ.

Варя не видѣла ихъ.

Подперши обѣими руками голову, она все сидѣла и странно смотрѣла на возвышавшійся передъ ней, черезъ узкую Николоямскую улицу, домъ съ семью колоннами, длинный, двухъ-этажный, съ мезониномъ, темнаго цвѣта. Домъ этотъ почему-то занялъ ее. Она какъ будто помнила его, какъ будто много разъ видѣла комнаты и даже смотрѣла, вонъ, изъ того окна, которое налѣво, прямо передъ широкой главой церкви. Варя даже начинала припоминать, какъ кто-то, однажды, въ такой же, вотъ, самый день, какъ сегодня, ясный, теплый, распахнулъ это окно и долго-долго качалъ ее передъ нимъ, напѣвая какую-то тихую и грустную пѣсню; какъ кто-то носилъ и возилъ ее въ маленькой, хорошенькой телѣжечкѣ, вонъ, по тому двору, который видѣнъ черезъ ворота дома и спускается къ рѣкѣ Яузѣ... А дворъ былъ зеленый, широкій, и такъ ей хорошо было на этомъ дворѣ, что она всякій разъ, какъ только ее вывозили на него, смѣялась до упаду... А вонъ тѣ бѣлыя фигуры на стѣнѣ верхняго этажа?... Она тоже ихъ припоминаетъ... Съ какимъ любопытствомъ она, когда-то, издали, разсматривала ихъ своими

дѣтскими, лукавыми глазенками!... Странно... Чей-же это домъ?...

Мысли молодой женщины путались, голова кружилась... Она хотѣла припомнить еще кое-что, но это «кое-что» никакъ не припоминалось; а какъ бы уходило отъ нея еще далѣе. Глядитъ она, присматривается, и видитъ передъ собой все тотъ же темный каменный домъ съ колоннами и все тоже, знакомое ей почему-то, окно.

Молодая женщина усиленно начала смотрѣть на это окно, ярко освѣщенное солнцемъ. Оно вдругъ показалось ей огненнымъ окомъ.

— Огонь! безпокойно прошептала она, и быстро отвернула отъ окна голову.

Передъ ней мгновенно предстала ужасная картина пожара.

Пожаръ этотъ, въ прошломъ, былъ роковой минутой для молодой женщины. Она припомнила ужасающія его подробности.

Варя, извѣстная всей Таганкѣ того времени «блажененькая», не задолго передъ этимъ, была женой извѣстнаго и почитаемаго всѣми на Таганкѣ московскаго купца Угрюмова. Молодая, красивая, любимая своимъ мужемъ, она была уже матерью двухлѣтняго сына, когда въ домѣ Угрюмова, полномъ всякими достатками, произошелъ пожаръ. Часу въ двѣнадцатомъ ночи, когда въ домѣ все спало, въ нижнемъ этажѣ, въ нежилой комнатѣ, показался огонь. Въ то время пожары тушились еще домашними средствами. Поэтому, не смотря на всѣ усилія потушить показавшійся огонь, — онъ быстро проникъ въ другіе этажи, и черезъ полчаса домъ купца Угрюмова, со всѣми постройками, вышками, погребами и скворешниками, превратился въ цѣлое море огня. Ударили въ набатъ. Сбѣжался народъ. Поднялись, по обыкновенію, крики,

шумъ, гамъ. И вдругъ, среди этого моря треска, шума и грохота, раздался чей-то дикій, неестественный визгъ. Двадцатилѣтняя хозяйка дома, Варвара Угрюмова, въ одной сорочкѣ, простоволосая, съ дико-блуждающими взглядами, выбѣжала на улицу и начала метаться. Кто-то хотѣлъ прикрыть ее и удержать, но она такъ рванулась отъ него, что онъ еле удержался на ногахъ. Послѣ этого, съ криками «сынъ мой! сынъ мой!» она начала рваться въ огонь. Ее удерживали. Оказалось, что она, въ испугѣ, забыла взять съ собой младенца-сына. Нашлись смѣльчакн, которые ринулись въ огонь, чтобы спасти несчастнаго, но большая часть дома уже обрушилась, и искать младенца было совершенно бесполезно. Самого купца Угрюмова въ это время не было: онъ уѣзжалъ куда-то. Къ утру весь домъ превратился въ закоптѣлыя и обгорѣлыя груды камня, дерева, желѣза. Молодая хозяйка въ эту же ночь исчезла неизвѣстно куда.

Узнавъ о несчастіи, купецъ Угрюмовъ умеръ отъ удара. Года два стояли обгорѣлыя трубы и стѣны Угрюмовскаго дома нетронутыми рукой человѣческой, года два они напоминали суетвѣрнымъ поселенцамъ Таганки о тщетѣ людскаго благосостоянія. На третій же годъ кто-то безприванно завладѣлъ ими и началъ воздвигать свой домъ. Тогда же появилась на Таганкѣ и купеческая жена, Варвара Угрюмова. Гдѣ она пропала три года—никто не зналъ, да и не старался знать. Варвара Угрюмова появилась уже совсѣмъ не тою, какою она была прежде. Тихая, кроткая, безпріютная и всегда бѣдно одѣтая, она ходила по улицамъ Таганки и просила милостыню. Кто подавалъ ей, тому она говорила «спаси тебя Богъ отъ огня», и шла далѣе. Вскорѣ вся Таганка узнала ее, и начала называть «блаженненькой». И Варя, въ самомъ дѣлѣ, была какая-то блаженненькая. Не то, чтобы въ здоровомъ умѣ, не то, чтобы сумасшедшая, она цѣлыя дни бро-

дила по улицамъ, а ночевала гдѣ-нибудь на крылечгѣ или подѣ мостомъ. Особенно любила она дѣтей, да за то же и дѣти любили ее. Все, что она собирала, большею частью отдавала дѣтямъ, которыя попадались ей на улицѣ. Уличные ребятишки любили еще Варю и за сказки, которыя она имъ наивно рассказывала, усѣвшись гдѣ-нибудь на крылечгѣ, или подѣ заборомъ. Варя была всегда молчалива и тиха. Одинъ только колокольный звонъ и выводилъ ее изъ обычнаго состоянія. Заслышавъ звонъ, она безпокойно бѣжала на него, и, потомъ, успокоившись, садилась возлѣ церкви, и долго сидѣла, подперши обѣими руками голову...

Такъ было и теперь.

Вышедшіе изъ церкви начали сходить черезъ ворота на улицу по ступенямъ, на которыхъ сидѣла Варя. Она сидѣла на послѣдней ступени, почти посрединѣ, и должна была встать или посторониться, чтобы пропустить проходящихъ.

— Поди, вѣдь это наша Варя, блаженненькая! удивилась шедшая впереди всѣхъ кормлица, и хотѣла обойти ее стороной.

Но отцу новорожденнаго, который поджидалъ на улицѣ первенца, почему-то не понравилась эта встрѣча, и онъ тихо тронулъ сидящую.

— Эй, милая, посторонись-ка!

Варя медленно повернула къ нему свою голову, и—не то съ удивленіемъ, не то со страхомъ — остановила на немъ свой странный взглядъ.

Это былъ тотъ самый кунецъ, котораго она встрѣтила на Яузскомъ мосту.

Кунецъ нѣсколько смутился, и хотѣлъ уже оставить Варю въ покоѣ, какъ та быстро вскочила, и, тыча ему прямо въ лицо пальцемъ, закричала:

— Вотъ онъ!.. вотъ онъ!.. тотъ самый!

— Кто... я-съ? пробормоталъ, какъ бы оправдываясь, купецъ.

— Ты! ты!

— Что такое-съ?

— Недобрый человѣкъ! недобрый!

— А! протянулъ купецъ, и, съ чисто купеческой улыбкой, которая такъ хорошо характеризуетъ плутоватыхъ торговашей, обратился къ сопровождавшимъ его:

— Дура-съ!.. Съ полчала тому, щель я по Яузскому мосту... на бѣдность просила... Мелочи не было—не далъ—вотъ она и кричить... Дура-съ!..

Сказавъ это, онъ быстро сунулъ свою руку въ карманъ, вытащилъ оттуда нѣсколько мѣдной мелочи, и протянулъ ее къ Варѣ.

— Получите-съ... вотъ-съ... и съ Богомъ, милая... Молитесь за грѣшнаго раба Божьяго Николая, и младенца Михаилла...

Варя не брала подачки.

Высоко поднявъ голову, она стояла передъ нимъ въ страшно возбужденномъ состояніи. Большіе черные глаза ея сверкали, молодое лицо, еще не утратившее признаковъ красоты, передергивалось странной судорогой, и вся она дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Что-то дикое, неестественное и страшное было въ этомъ несчастномъ существѣ, бѣдномъ, оборванномъ. Казалось, въ головѣ ея бродило нѣчто ужасное и роковое; казалось, она припоминала что-то такое, что ошеломило ее и застыло въ душѣ ея тяжелымъ, мучительнымъ бременемъ...

Всѣ молча смотрѣли на бѣдную женщину, и недоумѣвали, что бы это такое значило.

Болѣе всѣхъ выразилось недоумѣніе на лицѣ кунца. Онъ нетерпѣливо и съ досадой поглаживалъ свою бородку, и обдергивалъ полы сюртука.

Сцена эта, видимо, была для него невыносима.

— Чтоже-съ, берите, милая... проговорилъ онъ, наконецъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, желая прекратить это тяжелое и, можно сказать, глупое положеніе своихъ родныхъ, и свое.

Стоявшая, молча, Варя, вдругъ тряхнула головой, рванула у него изъ рукъ деньги, и сильно швырнула ему ихъ въ лицо.

— Не надо! прохрипѣла она злобно, — бери ты свои деньги назадъ!.. Разживайся!..

— Купецъ вскрикнулъ, и схватился за голову.

Мѣдный пятакъ угодили ему прямо въ лобъ...

Произошло быстрое и непріятное замѣшательство.

Но потерявшій купецъ почему-то почелъ за нужное поскорѣе уйти.

Онъ быстро перешелъ улицу, и скрылся въ воротахъ противоположнаго дома.

За нимъ послѣдовали и другіе.

Варя же вдругъ присмирѣла и начала съ удивленіемъ оглядываться.

Оглядываясь, она снова увидѣла знакомый ей домъ.

— А, вотъ онъ гдѣ! возбужденно зашептала Варя, — онъ тутъ живетъ... вижу... Ну, чтожъ, живи... Богъ съ тобой... разживайся чужимъ добромъ... разживайся... Чужое-то добро въ прокъ идетъ... Анъ нѣтъ, не пойдетъ! вдругъ возвысила она голосъ. Не пойдетъ! Пропадешь ты съ чужимъ добромъ! Вотъ, увидишь, что пропадешь... жутко же тебѣ будетъ!.. о, жутко!.. И ты пропадешь... и сынъ твой пропадетъ... и весь родъ твой пропадетъ!.. Слышишь ли, пропадетъ! вскрикнула она особенно громко, схватившись обѣими руками за голову...

Черезъ нѣсколько минутъ, съ кротою, по обыкновенію,

улыбкой на лицѣ, Варя уже сидѣла на крылечкѣ съ двумя мальчуганами и рассказывала имъ дикую и ужасную сказку о томъ, какъ одинъ богатый московскій купецъ съѣлъ свою родную дочь, чтобы несмѣтное богатство свое оставить одному только сыну. Сказка была до того невѣроятна, что даже дѣти усомнились въ ея правдивости.

— Варя, тетенька, замѣтилъ одинъ изъ мальчугановъ, какъ же это такъ купецъ, православный, свою дочку съѣлъ? Нешто и купцы, какъ людоѣды, своихъ дѣточекъ ѣдятъ?

— Ъдятъ! Ѣдятъ! и еще какъ ѣдятъ! свергая глазами, закричала Варя, и захохотала, глядя въ упоръ на испугавшихся дѣтей...

На бѣдную женщину нашелъ припадокъ мучительнаго безумія.